

А. В. ЦИММЕРЛИНГ

ТАК ИМ И НАДО: НУЖНЫ ЛИ ЭНДОКЛИТИКИ ДЛЯ ОПИСАНИЯ РУССКОЙ ГРАММАТИКИ?*

Честное слово, я не подозревал, что уже
более сорока лет говорю прозой.

Г-н Журден

1. Эндоклитики в описаниях языков мира

Понятие эндоклитик, т. е. клитик, помещаемых внутрь словоформы или даже морфемы, устойчиво ассоциируется с так называемыми «экзотическими» языками, материал которых приводится в энциклопедиях и справочниках для иллюстрации лингвистического разнообразия, ср. [Spencer, Luis 2012: 208]. Ярлык «экзотический» не является термином, но за ним стоит неформальное представление о языках, полные описания которых труднодоступны и выборочные сведения о которых большинство ученых черпает из вторичных источников. Сразу можно отметить, что некоторые предполагаемые языки с эндоклитиками, например европейский португальский [Rouveret 1999] и пашто [Tegey 1977], не являются ни «малыми» (по числу говорящих), ни плохо описанными. То же самое можно сказать о готском языке, где имеются приставочные глаголы, разрываемые местоименными и наречными клитиками, ср. гот. $[Ga]_{AFF}=\downarrow\downarrow u=hva=[sehvi]_R$ Мс. 8, 23¹ ‘не увидишь ли ты что?’, букв. ‘у=ли=что=видишь’ [Streitberg 1910: 159], и осетинском языке [Ахвледиани 1963], данные которых не

* При поддержке проекта РНФ № 18-18-00462 «Коммуникативно-синтаксический интерфейс: типология и грамматика», реализуемого в ГИРЯ им. А. С. Пушкина. Я благодарю анонимных рецензентов за ценные замечания, а также П. М. Аркадьева, В. А. Плунгяна, Т. Е. Янко и Е. А. Лютикову за возможность обсудить отдельные аспекты представленного анализа. Ответственность за все недочеты лежит на авторе.

¹ См. список сокращений в конце работы.

всегда обсуждаются в литературе об эндоклитиках, ср., однако, [Циммерлинг 2012: 10]. Тем не менее трудно спорить с тем, что класс языков мира, на основании которых делаются правдоподобные утверждения о существовании эндоклитик, мал, и некоторые языки этого класса, например дегема (эдоидная группа атлантической семьи) [Kagi 2002], ниджский и варташенский диалекты удинского языка (лезгинская подгруппа северокавказской семьи) [Harris 2002; Ганенков и др. 2012], не представлены большим числом описаний. Возможно, этим объясняется тот факт, что работы [Холодилова 2013] и [Аркадьев 2016], где ставится вопрос о наличии эндоклитик в русском языке, не вызвали должной реакции²: нежелание проецировать на хорошо описанный язык категории описания, полученные в результате анализа хуже изученных языков, описанных с позиции теоретически ненейтральных концепций, понятно. Но так ли хорошо описана русская грамматика и так ли ненадежны типологические описания языков с эндоклитиками?

2. Эндоклитики в описании русского языка

2.1. Предлоги и разрывные словоформы

П. М. Аркадьев в работе 2016 г. предположил, что русские первообразные предлоги и часть вторичных предлогов ведут себя как эндоклитики в трех контекстах — в отрицательных (*ни у кого*, **ни благодаря кому*), взаимных (*друг у друга*, *друг для друга*, *друг ради друга*, *друг в отношении друга*) и неопределенных местоимениях серии *кое-* (*кое у кого*, *кое с чем*, *кое с какими*). Он трактует отрицательные местоимения на НИ- + КОГО/ЧЕГО/КАКОГО, неопределенные местоимения на КОЕ + КОГО/ЧЕГО/КАКОГО и взаимное местоимение ДРУГ ДРУГА³ как разрывные словоформы, компоненты которых не соотносятся, как корень vs. аффикс. Для *кое-* /кѡје/ данная трактовка подтверждается отсутствием сегментной редукции, которая характерна для русских приставок [Аркадьев 2016: 328]. Местоимения, служащие базисом эндоклизы, почти не имеют свойств синтаксических групп, так, первый компонент взаимного местоимения морфологически связан и не подвергается перестановке [Там же: 329].

- (1) а. Она дала **им каждому** / ***каждый** по яблоку.
б. Она позволила **им обнять друг друга** / ***другу друга**.

Статус разрывных словоформ П. М. Аркадьев проверяет тестом на вставку клитик, поэтому отмечавшаяся в русистике, ср. [Еськова 2011], возможность вставки непервообразного предлога, предположительно, не

² Гипотеза П. М. Аркадьева упоминается в [Пекелис 2017], где обсуждается книга [Циммерлинг, Лютикова 2016], в которой опубликовано исследование [Аркадьев 2016].

³ В этот ряд стоит добавить еще одно взаимное местоимение: *друг дружку*.

являющегося клитикой — рус. *ни против кого, друг относительно друга*, — расценивается им как отклонение от стандартного поведения разрывных словоформ и черта, свойственная группам.

2.2. Слабодарные местоимения

М. А. Холодилова одной из первых в работе 2013 г. привлекла внимание к эндоклизе в русском языке⁴, но в качестве кандидатов на роль эндоклитик выбрала не предлоги, а слабодарные местоимения, вставляемые внутрь композитов типа разг. *сколько... сильный/битный*: такие композиты могут разрываться атонируемыми личными местоимениями, но, предположительно, не разрываются полноударными существительными [Холодилова 2013: 88].

- (2) а. разг. Сколько **он** сильный?
б. *Сколько **мотор** сильный?

К сожалению, значимых данных, надежно подтверждающих дистрибуцию (2а–б), нет, а суждения информантов связаны с ранжированием маргинальных примеров. Выбранный П. М. Аркадьевым случай лучше иллюстрируется корпусами текстов. В то же время М. А. Холодилова нащупала перспективное направление поиска: механизм, напоминающий эндоклизу, может быть связан в русском языке с элементами, не обладающими полной свойств фонетических клитик.

2.3. Предлоги и разрывные местоимения в НКРЯ

Мы изучили соотношение линейных вариантов с проклизой и эндоклизой предлога в трех сериях местоимений в основном корпусе НКРЯ. В качестве первообразных предлогов проверялись *у, от, из, за, на + вин.п., на + дат.п., в + вин.п., в + дат.п., к, с + тв.п., с + род.п., с + вин.п., о, про*. В качестве непервообразных предлогов проверялись *из-за, возле, около, ради, для, против, напротив, через, сквозь, благодаря, относительно, в отношении к, применительно к, назло, насчет, между, промежду, среди, посреди, вместо*. Некоторые комбинации базисов и предлогов в корпусе не встретились. Местоимения серии *кое-* наименее частотны, а атрибутивная форма *кое-какой/-ая/-ое/-ие* занимает самые слабые позиции в плане эндоклизы (29,545%, 39 примеров против 132 с проклизой).

⁴ На возможность интерпретации русских предлогов в составе единиц типа *кое с кем, друг на друга* как интраклитик ранее указал В. А. Плунгян [2000: 31]. В его изложении ‘интраклитика’ является синонимом межморфемной эндоклизы: «интраклитиками считаются единицы, которые помещаются *внутри* опорного слова (т. е. между какими-либо двумя его морфемами — например, между основой и падежным окончанием существительного и т. п.)». Такое определение приложимо к русскому и европейскому португальскому языкам, но не к удинскому и дегема.

Таблица 1

**Линейные порядки с проклизой и эндоклизой предлога
в основном корпусе НКРЯ**

Тип ме- стоимения	Базисы ⁵	Предлоги	Проклиза		Эндоклиза	
Взаимные	ДРУГ ДРУГА	первичные	35 (0,126 %)		27536 (99,874 %)	
		вторичные	167 (8,118 %)		1890 (91,882 %)	
	ДРУГ ДРУЖКУ	первичные	2 (0,255 %)		781 (99,745 %)	
		вторичные	2 (6,06 %)		33 (73,94 %)	
Отрицательные	НИКТО	первичные	21 (0,176 %)		11868 (99,824 %)	
		вторичные	2 (0,193 %)		1033 (99,807 %)	
	НИЧТО	первичные	1105 (2,986 %)		35893 (97,014 %)	
		вторичные	8 (3,375 %)		229 (96,225 %)	
	НИКАКОЙ/ -АЯ/-ОЕ/-ИЕ	первичные	59 (0,555 %)		10565 (99,445 %)	
		вторичные	6 (2,926 %)		199 (97,014 %)	
Неопределенные	КОЕ-КТО	первичные	18 (4,615 %)		390 (95,485 %)	
		вторичные	9 (33,333 %)		18 (66,666 %)	
	КОЕ-ЧТО	первичные	30 (2,08 %)		1412 (97,92 %)	
		вторичные	3 (42,857 %)		4 (57,113%)	
	КОЕ-КАКОЙ/ -АЯ/-ОЕ/-ИЕ	первичные	132 (77,192 %)		39 (22,898 %)	
		вторичные	6 (85,714 %)		1 (14,286 %)	
	Итого:		1605 (1,674%)		94253 (98,3236 %)	
			Перв: 1402 (1,559%)	Втор: 203 (5,642%)	Перв.: 88496 (98,441%)	Втор.: 3395 (94,358%)

2.4. Синтаксис и семантика предложных групп

В стандартных версиях грамматики составляющих предлог (и шире — адлог) рассматривается как вершина группы, в качестве аргумента принимающая именную группу: [_{PP} P° [_{NP} N° ..]]. Мы разделяем этот анализ. Возникают два вопроса: 1) действительно ли аргументом предлога в конфигурациях с эндоклизой является именная группа? 2) почему стандартные именные группы в русском языке не допускают постановки предлога после

⁵ Учитываются все формы косвенных падежей.

именной вершины, ср.: **купил нечто Семена у Ивановича*, а некоторые местоимения допускают эндоклизу?⁶

Примеры, где предлог в конфигурации с эндоклизой вводит группу более чем из одного фонетического слова, имеются, ср. (За—д), но выражения типа *кто умный, что полезное, какое полезное дело, кто из студентов* едва ли можно приравнять к именным группам. Скорее речь может идти о том, что аргументом предлога является функциональная проекция, возглавляемая оператором вопроса, так называемым *к*-словом в терминах [Апресян, Иомдин 2010: 147]. Ниже группа *к*-слова (wh-word) обозначается символом WhP, функциональная проекция, возглавляемая оператором отрицания, обозначается NegP, проекция оператора со значением квантора существования — ЭР. Внутри группы *к*-слова может вставляться обычная именная группа, ср. (Зв) и предложная группа, ср. (Зг).

- (3) а. Такую цитату он [NegP НИ [PP у [WhP КОГО умного]]] почерпнуть не мог.
- б. Эти сведения [NegP НИ [PP для [WhP ЧЕГО полезного]]] употребить нельзя.
- в. Эти сведения [NegP НИ [PP для [WhP КАКОГО [NP полезного дела]]] употребить нельзя.
- г. [NegP НИ [PP против [WhP КОГО [PP из студентов]]]] выступать не стану.
- д. [ЭР КОЕ [PP в [WhP КАКИХ землячествах]]] уже начиналась исподволь агитация за выход из Союза (В. М. Чернов. Перед бурей. Воспоминания (1953)) [омонимия не снята].

Напротив, стоящий левее предлога в (За—д) компонент разрываемого отрицательного или неопределенного местоимения скорее не является, чем является синтаксическим аргументом предлога: НИ и КОЕ — логические операторы (отрицание и квантор существования), сфера действия которых шире сферы действия предложной группы. Тем самым линейный порядок с эндоклизой, ср.: *кое в каких землячествах, кое для каких дел*, независимо от степени регулярности или окказиональности соответствующих вариантов, отражает попытку естественного языка привести поверхностную структуру

⁶ Предлог в русском языке может быть отделен от именной вершины произвольным количеством фонетических слов, в том числе — полной группой прилагательного или причастия, ср.: у [AP заказавшего себе_i леденец] **Семена_i Ивановича_i**. Запрет на помещение элементов предложной группы левее предлога, ср.: **купил землю Семена_i* [PP у [NP ___i Ивановича]], традиционно объясняют тем, что предложная группа в русском языке является синтаксическим островом, т. е. фрагментом дерева, блокирующим извлечение. Однако эта констатация не проясняет, в силу чего предложная группа может быть островом и почему островное ограничение нарушается в конфигурациях с эндоклизой: *ни у кого из людей, кое от кого из людей, друг от друга любимых* и т. п.

в соответствии с семантикой⁷: предлог вставляется между внешним (НИ, КОЕ) и внутренним оператором (*к*-слово) сообразно их сфере действия: *у *никого умного* → НИ (=↓у =(кого умного)), внешний оператор оформляется как синтаксический элемент.

Таблица 2

Семантическая структура предложений с эндоклизой предлога

Внешний оператор	Предлог	Внутренний оператор	Вложенная группа
Neg	Р	Q	NP/PP
Э	Р	Q	NP/PP
НИ	для	КОГО	умного
НИ	для	ЧЕГО	полезного
НИ	для	КАКОГО	полезного дела
НИ	против	КОГО	из студентов
КОЕ	в	КАКИХ	землячествах

Для взаимных местоимений подобрать идиоматично звучащие примеры сложнее, но аналогичная синтаксическая структура допустима и при них. Ср. пример (4а) с рефлексивным местоимением и пример (4б), с взаимным.

- (4) а. Вася_i все время потакает **себе_i любимому_i**.
 б. [?][_{сop} Вася и Катя]_i получают поддержку **друг от друга_i любимых_i**.

Таким образом, ответ на первый из поставленных вопросов состоит в том, что аргумент отрицательных и неопределенных местоимений в (3а) является не именной группой, возглавляемой существительным как лексической вершиной, а функциональной проекцией, возглавляемой оператором вопроса, выраженным *к*-словом. Ответ на второй вопрос состоит в том, что в русском языке стандартные именные группы вообще не допускают эндоклизы, а линейный порядок НИ у КОГО, КОЕ у КОГО отражает иерархию сфер действия двух операторных выражений.

При принятом нами анализе разграничение первообразных предлогов как предполагаемых (фонетических) клитик и непервообразных предлогов как предполагаемых (фонетических) неклитик для оценки конфигураций с эндоклизой не критично. В самом деле, при любом типе предлога в конфи-

⁷ Насколько нам известно, анализ с ранжированием двух операторов для случая эндоклизы еще не предлагался. Общая идея восходит к работе [Kratzer, Shimoyama 2002], где рассмотрены так называемые недоопределенные местоимения в японском и немецком языках. В работе [Yanovich 2005] анализ Кратцер — Симоямы проверяется на материале русских неопределенных местоимений на *-то* и *-нибудь*, не допускающих эндоклизы.

гурациях с проклизой русская грамматика разрешает отделять предлог от именной вершины нефиксированным числом фонетических слов, ср. (5а). Напротив, при любом типе предлога в конфигурациях с эндоклизой русская грамматика (за вычетом разбираемого ниже в разделе 2.5 случая, связанного с возможностью вставки клитики *же* после КОЕ- и после первой части взаимного местоимения) требует контактной позиции предлога с компонентами, выступающими в роли внешнего и внутреннего оператора, ср. (5б—в).

- (5) а. $[_{PP} \text{ у} = [_{NP} \text{ купивших землю в К. людей}^o]]$.
 б. $[_{PP} \text{ НИ } [_{PP} = \downarrow \text{ против} = [_{\exists P} \text{ КОГО из купивших землю людей}]]]$.
 в. $[_{PP} \text{ НИ } [_{PP} = \downarrow \text{ у} = [_{\exists P} \text{ КОГО из купивших землю людей}]]]$.

Тем самым русский язык в обоих контекстах приравнивает два типа предлогов друг другу на основе грамматической аналогии. Но вектор этой аналогии разный: в контексте с проклизой, ср. (5а), первообразные предлоги приравнены к непервообразным, а в контексте с эндоклизой, ср. (5б—в), наоборот, непервообразные предлоги приравниваются к первообразным.

Таблица 3

Конфигурации с проклизой и энклизой предлога в русском языке

	Проклиза: $P = X [_{NP} N^o]$	Эндоклиза: $X_1 = P = X_2 [_{\exists P} Wh^o]$
Позиция по отношению к вершине вложенной группы	контактная/дистантная	контактная
Тип вложенной вершины	существительное	оператор
Вектор аналогии	перв. предл. \leftarrow неперв. предл.	перв. предл. \rightarrow неперв. предл.

Эндоклитическое поведение русских предлогов нельзя в полной мере объяснить их просодией: сама семантическая структура разрываемых предлогами местоименных базисов поддерживает частичную вычленяемость их компонентов. Иными словами, данные базисы одновременно являются разрывными словоформами и аналогами синтаксических групп. Аналогичная двойственность, как показывается ниже в разделе 4, с большой вероятностью присуща всем языкам с эндоклитиками.

2.5. Частица *ЖЕ* и коммуникативное значение контраста

Неопределенные местоимения на КОЕ- (а также наречия на КОЕ-) и взаимные местоимения допускают вставку частицы *же*, которая в данном окружении может рассматриваться как эндоклитика. Исторически это объясняется тем, что компоненты *кой* ‘который’ и *другъ* ‘другой’ изначально

имели статус словоформ и могли выступать в качестве просодического хозяина энклитики *же*⁸. Одним из основных значений др.рус. *же* было выражение противопоставления, контраста: в типичном случае это значение реализовалось в непервой клаузе текста, ср.: *продавшие дворъ, идите же стъмо* [Зализняк 2008: 29]. В современном языке рус. *который* и *другой* являются словами контраста. Свободные сочетания *который же*, *другой же*, а также вставка *же* в комплексы *кое же где*, *кое же в чем*, *друг же друга* и т. п. и в плане линейного синтаксиса, и в плане коммуникативной семантики близки к древнерусскому употреблению: частица *же* задает противопоставление с ранее высказанными пропозициями, ср. корпусный пример (6) и сконструированный пример (7):

- (6) Друг=↓*же* **друга** хваля и до звезд величая, Юноши (семь их числом) назывались Плеядой (Ю. Н. Тынянов. Архаисты и Пушкин (1926)).
- (7) Фридрих смог правильно угадать многие конфликты, **кое**=↓*же*=↓**в=чем** он все-таки ошибся.

Примеров с эндоклизой частицы *же* в НКРЯ немного: мы нашли 4 вхождения *кое*=↓*же*=*кто*, 2 вхождения *кое*=↓*же*=*где* и единственный пример со вставкой *же* во взаимное местоимение (см. выше). Комбинаций эндоклизы *же* с эндоклизой предлога, возможных при косвенных падежах местоимений *кое-кто*, *кое-что*, *друг друга* и *друг дружку*, в НКРЯ нет вообще. Тем не менее грамматичность примеров типа (7) оспаривать трудно. При отрицательных местоимениях НИКТО, НИЧТО, НИКАКОЙ эндоклиза *же* в современном русском языке не представлена. Однако в древнерусский период отрицание НИ комбинировалось с маркером контраста ЖЕ; еще в XIX в. соответствующее употребление было живо. Семантическая структура комбинации операторов НИ (отрицание в контексте противопоставления 'не р & не q') + ЖЕ (контраст) одинакова как для свободных сочетаний *ни = же*, где частица *же* выступала в роли энклитики, см. (8), так и для связанных эндоклитических употреблений типа (9):

- (8) Учить и поправлять тебя не имею не только возможности и права (р), но **ни** =*же* охоты и умения (q) (П. И. Бартенев. Письма (1878)).
- (9) Не только каждая порода, каждое племя из жителей Земного Шара, но даже каждое отдельное существо (*individuum*) получили и получают от природы подарок на зубок, которого не в силах отнять ни воспитание (р), **ни** =↓*же*=**какая** другая сила (q) (Ф. В. Булгарин. Петербургские записки. Толки и замечания сельского жителя (прежде бывшего горожанина) о Петербурге и петербургской жизни (1833)).

⁸ Ср. параллельное употребление *кой* как согласуемого прилагательного в середине XIX в.: «Что возьмешь ко Всем воротам?» — «Да **кое же** это место, батюшка?» — спрашивает ванька, теряясь в недоумениях о неслыханном названии (И. Т. Кокорев. Извозчики-лихачи и ваньки (1849)).

В текстах XVIII — начала XIX в. были обычны примеры типа *⟨ни россиянина⟩*, *ни же кого иного* (цитируется Н. И. Костомаровым по документам XVIII в.) *⟨о бедных и несчастных⟩* *ни же когда вспомнила* (А. Е. Лабзина, 1810 г.), но с течением времени они выходят из употребления: детали этого процесса заслуживают специального исследования. Общая тенденция состоит в устранении сочетаний ЖЕ как показателя контраста с НИ как оператором отрицания: причина, возможно, лежит в том, что в значении НИ уже заложен компонент, указывающий на противопоставление, поэтому ЖЕ семантически избыточно. Напротив, сохранение ЖЕ после оператора неопределенности КОЕ- функционально оправдано. На уровне коммуникативной семантики значение контраста комбинируется с базовыми значениями темы и ремы, модифицируя их [Янко 2008: 22–24]. Сама комбинация маркера контраста ЖЕ с внутренним оператором (*к*-словом КОГО, ЧЕГО, КАКОГО, показателем взаимности -ДРУГА) и внешним оператором (КОЕ-, ДРУГ-, также НИ- в русском языке XIX в.) в морфосинтаксических базах эндоклизы предсказуема. В то же время, эндоклиза частицы *же*, в отличие от эндоклизы предлогов, не служит в русском языке средством построения форм косвенных падежей неопределенных, взаимных и отрицательных местоимений, а лишь модифицирует уже построенный комплекс морфем в контексте контраста: ЖЕ + {кое=↓в=чем} ⇒ {{кое=↓же}=↓в=чем}, ЖЕ + {ни=↓в=какой} ⇒ арх. {{ни=↓же}=↓в=какой}. Поэтому спорадически возникающее в русском языке сочетание двух контактно стоящих эндоклитик — частицы *же* и предлога, видимо, нельзя рассматривать как цепочку клитик, т. е. объект, возникающий в результате одновременной клитизации всех элементов, принадлежащих единой синтаксической области.

3. ТАК И НАДО и ДОБРО ПОЖАЛОВАТЬ

В русском языке есть и другие вероятные случаи эндоклизы. Наиболее явный из них практически не обсуждался, за вычетом краткого упоминания в [Zimmerling 2016]. Имеется предикатная единица *так X-у и надо* ‘X получил по заслугам, заслужил свою участь’, которая используется в дативно-предикативной структуре (ДПС) в позиции предикатива⁹. Синтаксическая идиома *так и надо* требует внешне выраженного субъектного аргумента в дат.п. Теоретически возможна омонимия идиомы *так и надо* со свободным сочетанием *так и надо*, ср.: *X-у так и надо / так X-у и надо* (идиома) vs. *X-у так и надо поступать* (свободное сочетание с предикати-

⁹ О дативно-предикативной структуре и предикативах ДПС см. [Циммерлинг 2017; 2018]. Пример толкования синтаксической идиомы *⟨X-у⟩ все равно*, в части употреблений ориентированной на ДПС, см. в [Апресян, Иомдин 2010]. Идиомы *все равно* и *все ясно*, в отличие от *так и надо*, видимо, не допускают эндоклизы субъектного местоимения.

вом ДПС *надо*). На практике субъектный аргумент идиомы в преобладающем большинстве случаев выражен слабоударным местоимением и реализуется в позиции эндоклизы, в то время как субъектный аргумент свободного сочетания может быть выражен именной группой и практически не подвергается эндоклизе.

Слабоударное субъектное личное местоимение (*мне, тебе, ему, ей, нам, вам, им*) добавляется в идиому почти исключительно в позиции эндоклизы: [*так и надо*] + *мне* → [*так*]=↓=*мне*[*и надо*]. Запрета на линейные порядки *мне так и надо* и *так и надо мне* и на вставку именной группы (*так директору и надо*) нет, но статистика НКРЯ красноречива: на 425 примеров с эндоклизой личного местоимения приходится 1 пример со вставкой именной группы (*так Ване и надо*) и 1 пример со вставкой неличного местоимения (*так всем и надо*). Между статусом личного субъектного местоимения и местом его вставки в предложение с *так и надо* есть корреляция, см. Таблицу 4. НКРЯ дает 24 примера реализации субъектного аргумента идиомы *так и надо* в виде именной группы: на один указанный выше пример со вставкой ИГ внутрь идиомы (*так Ване и надо*) приходится 23 примера, где субъектно-именная группа стоит в препозиции/постпозиции всей идиоме¹⁰.

Таблица 4

Распределение слабоударных субъектных местоимений в дат.п.
при *так и надо*¹¹

	Проклиза личн. мест.	Эндоклиза личн. мест.	Энклиза личн. мест.
Число клауз в НКРЯ	X-y=[<i>так и надо</i>]	[<i>так</i>]=↓X-y=[<i>и надо</i>]	[<i>так и надо</i>]=X-y
	5	425	7

В части корпусных примеров с субъектными местоимениями 2 и 3 л., вставленными в идиому, имеет место дублирование аргумента, т. е. механизм, характерный для языков с местоименными клитиками¹²: субъектное

¹⁰ Еще в одном примере семантический актанта 'тот, кто получил по заслугам' выражен неканонически, группой *для* + *род.п.*: *На этом основано очень многое; хотя действительность и не такова, но для мыслящего человека разъяснений по поводу этого не требуется, а для неразумного так и надо* (В. Ф. Майстрах. Полезные советы (1916.02.10) // газета «Трудовая копейка», 1916).

¹¹ Для проклизы и энклизы берется, соответственно, контактная препозиция и постпозиция предикативу, т. е. окно {-1: 1}.

¹² Местоименный плеоназм отмечается в [Лаптева 1976: 266–272] как черта русского разговорного синтаксиса, но О. А. Лаптева не использует термин «клитика» и не обсуждает просодику местоимений. Примеров с эндоклизой в ее материале нет, а попавшие в подборку предложения синтаксически неоднородны. Примеры типа *От него; можно заходить от гастрита;* подводятся под рубрику дуб-

местоимение подвергается эндоклизе, а кореферентная ему именная группа стоит в постпозиции.

- (10) — Когда у нас день, в Америке ночь. — **Так_↓=им_i и надо, буржуям_i!** Характерно, что слово «белый» советскими малышами часто воспринимается не в прямом, а в переносном смысле (К. И. Чуковский. От двух до пяти (1933–1965)) [омонимия не снята].

Таблица 5

Клаузы с эндоклизой субъектного местоимения и предикативом *так и надо*, по основному корпусу НКРЯ

	Общее число вхождений	Клаузы с дублированием		Общее число вхождений	Клаузы с дублированием
1 Sg.	52	0	1 Pl.	13	0
2 Sg.	93	24	2 Pl.	34	3
3 Sg.	149	21	3 Pl.	84	20
	294	45		131	23

Можно сделать вывод, что хотя эндоклиза внутри предикатной единицы *так и надо* не исключает альтернативной стратегии постановки слабоударного субъектного местоимения, есть явная корреляция между линейной позицией и типом субъектного элемента: система языка поддерживает употребление **Так_↓=им_i и надо** и **Так_↓=им_i и надо, буржуям_i!**, ограничивая вставку ударных элементов, представленных группами: *Так буржуям и надо*.

Аналогичный механизм спорадически проявляется и при реализации других синтаксических идиом. Так, в речи московских зазывал, по наблюдениям Т. Е. Янко (устное сообщение), встречается структура (11б), соответствующая литературному (11а). Пример (11б) коммуникативно оправдан, поскольку в нем эндоклизе подвергается местоимение ближнего дейсиса. Напротив, (11в), со вставкой предложной группы, не только нарушает ритм фразы, но и неуместно прагматически.

- (11) а. Добро пожаловать к нам в магазин!
 б. Добро =_↓=к нам пожаловать!
 в. *Добро в магазин пожаловать!

Предложно-падежные формы типа *к нам* обычно не рассматриваются как клитики, хотя есть языки, где такие формы образуют цепочки со специализированными формами клитик [Толстая 2000]. Точно так же формы

лирования аргумента («конструкция добавления», в терминах О. А. Лаптевой), в то время как примеры типа *Но он **ту_i** тоже очень любит бабушку_i* и т. п. реализуют механизм дислокации группы детерминатора (DP).

дат.п. *мне, тебе, ему, ей, нам, вам, им* и тем более субъектные формы им.п. *он, она, они* в (2а) с точки зрения истории русского языка являются не фонетическими клитиками, а так называемыми слабыми [Cardinaletti, Starke 1999; Testelefs 2003] формами обычных местоимений, которые могут атонироваться в ряде позиций¹³. Вместе с тем позиции этих форм в контекстах типа (2а), (6), (11б) специфичны для слабоударных элементов: русский язык стремится исключить из этих контекстов полноударные местоимения и группы, что подтверждается количественными данными на материале регулярной эндоклизы в случаях типа *так↓=тебе и надо*. Мы заключаем, что эндоклиза в русском языке преимущественно связана не с фонетическими, а с синтаксическими клитиками, т. е. с атонируемыми элементами, не обладающими всей совокупностью фонетических свойств клитик¹⁴, но занимающими позиции, недоступные полноударным словоформам, и в этих позициях демонстрирующих сходную дистрибуцию с фонетическими клитиками [Зализняк 2008: 8; Циммерлинг 2013: 51].

Анонимный рецензент обратил наше внимание на важность работы [Сичинава 2009], в которой отмечается возможность вставки слабоударных местоимений внутрь сочетаний глагол + частица было, последняя может рассматриваться как грамматикализованный маркер значений, исторически связанный с зоной плюсквамперфекта. Если считать сочетания глагол + было вторичными словоформами, можно усмотреть эндоклизу и в примерах типа *сунулся=↓я=было, сунул=↓он=было ключ в карман, да выложил* и т. п.

- (12) Попробовал=↓я=было догнать этих горных обитателей — не тут-то было (П. К. Козлов. Географический дневник Тибетской экспедиции 1923–1926 гг. № 4 (1925–1926)).

Рассмотренные в нашей статье идиомы *так и надо, добро пожаловать* не уникальны, но в отличие от сочетаний глагол + частица было, они связаны не с грамматикализацией, а с лексикализацией синтаксических комплексов. Поэтому полного сходства в их дистрибуции нет. Один из тестов связан с возможностью парентетической вставки внутрь идиомы и ее за-

¹³ Анонимный рецензент справедливо замечает, что в рамках генеративного синтаксиса понятие так называемой слабой формы не тождественно понятию атонируемого элемента. Вместе с тем главным операциональным критерием для выделения слабых местоимений остается возможность реализации в одном и том же линейном окружении как ударного, так и безударного варианта, при одинаковом сегментном составе.

¹⁴ Стандартной диагностикой служит неспособность фонетической клитики составлять тактовую группу (фонетическое слово), не комбинируясь с другими элементами, и невозможность употребляться в контекстах, связанных с логическим выделением, отрицанием и перечислением [Зализняк 1993: 291], а также сегментный состав и слоговая структура, которые могут быть нехарактерны для неклитик в том же языке.

трудненность в составе сочетаний с *было*. Однако результаты не совсем однозначны, ср. (13а—в), в записи парентеза отмечена знаком ‘#...#’:

- (13) а. Так #мне кажется#= \downarrow ему#мне кажется# и *#мне кажется» надо.
б. *Сунул #мне кажется# он было ключ в карман.
в. ?Сунул #похоже#= \downarrow он=было ключ в карман, да выложил.

Допустимость парентезы в (13а) подтверждает, что элементы, вставляемые внутрь связанного сочетания, не являются фонетическими клитиками: обычно считается, что парентеза не может отделять фонетическую энклитику от словоформы-хозяина $X \#... \# = CL$ ¹⁵. Проблема, однако, в том, что просодический статус у вставляемого местоимения в (13а) и (13б, в) один и тот же: асимметричные результаты теста объясняются не просодией местоимений, а различиями в морфосинтаксисе базисов эндоклизы. Исторически данную асимметрию естественно объяснить тем, что сочетания с частицей *было* приобрели статус синтаксических единств раньше, в то время как формирование идиомы *так и надо* является активным процессом современного русского языка.

4. Параметризация языков с эндоклитиками

Признанию эндоклитик мешает то обстоятельство, что модель грамматики, в которой морфологическая структура непроницаема для синтаксических операций [Bresnan, Mchombo 1995], проще. Для описания самих клитик тоже удобно свести их многообразие к двум типам — проклитикам ($CL=X$) и энклитикам ($X=CL$), см. [Klavans 1995; Nevis 2000]. Однако в свете современных данных описания, игнорирующие эндоклитики, неадекватны эмпирически¹⁶.

4.1. Параметры описания языков с эндоклитиками

Известны языки, допускающие или требующие внутриморфемной эндоклизы ($X=\downarrow CL=X$) — удинский, дегема, гбан [Федотов 2014], яурэ [Кушнир 2016], в ряде других языков представлена только межморфемная эндоклиза. В осетинском, пашто, сорани, древнелатинском и готском мише-

¹⁵ Так, С. Фрэнкс на основании допустимости комбинации $X \#... \# = CL$ отказывается считать словенский и болгарский языками с клитиками ‘второй позиции’ [Franks 2017: 184, 190]. Это рассуждение основано на ложной презумпции о том, что закон Ваккернагеля, т. е. принцип кластеризации элементов в левой периферии клаузы, связан с упорядочением фонетических, а не синтаксических клитик, см. обсуждение в [Циммерлинг 2013: 64—67, 302, 382].

¹⁶ Для отрицания эндоклитик как разряда морфологических выражений нужен пересмотр критериев определения словоформы и разработка новой модели морфологии, ср. обоснование подобного подхода в [Plungian 2017].

нью эндоклизы является позиция между глагольным превербом и корнем $[X]_{\text{AFF}}=\downarrow\text{CL}=[Y]_{\text{R}}$, а в европейском португальском, албанском [Mëniku, Sampos 2011] и андийском [Майсак 2017] — позиция между глагольной основой и суффиксом $[X]_{\text{R}}=\downarrow\text{CL}=[Y]_{\text{AFF}}$. Во всех перечисленных языках есть клитики, которые не вставляются в морфологические структуры, при этом элементы, способные к эндоклизе, в каждом из перечисленных языков сохраняют параллельные употребления, где они выступают либо в функции энклитик, либо в функции проклитик. Такое распределение подводит к гипотезе (i), высказанной в [Zimmerling 2016]:

- (i) механизм эндоклизы в большей степени объясняется специфическими свойствами отдельных базисов клитик, совмещающих черты морфологических и синтаксических структур, нежели свойствами самих клитик.

Так, глагольный корень в удинском языке в большинстве случаев исторически восходит к сочетанию лексический + легкий (служебный) глагол, что приводит к реанализу немногочисленных простых глагольных корней и возможности вставки в них клитик [Ганенков и др. 2012: 6]. Глагольный комплекс с превербом в древнелатинском, осетинском, готском и пашто сформировался в эпоху, когда преверб мог функционировать как синтаксический элемент. Реанализ приводит к тому, что, например, в пашто клитики начинают вставляться в те глаголы, где преверб исторически не был самостоятельным словом, ср.: *axistələ=me ~ a=\downarrow me=xistələ* ‘я покупал (их)’ [Tegey 1977]. Склонность приписать исторически возникшие свойства базисов эндоклизы самим клитикам возникает потому, что эндоклиза реализуется в определенной синтаксической позиции, где встречаются не все клитики, возможные в данном языке. Для древнелатинского, осетинского, пашто и древнечешского [Zimmerling 2014], являющихся языками с законом Ваккернагеля, это — левая периферия клаузы, для дегема и яурэ — правая периферия клаузы [Kagi 2002: 43; Кушнир 2016: 111].

Еще одним параметром, характеризующим языки с эндоклизой, является возможность вставки двух и более клитик в морфологическую структуру $(X=\downarrow\downarrow\text{CL}=X)$. Такая опция есть в осетинском, пашто, древнечешском и европейском португальском, где все правила образования цепочек энклитик¹⁷ распространяются на позицию эндоклизы. Статус цепочки (clitic cluster) означает невозможность перестановки в контактной последовательности двух кластеризуемых клитик а и b, которые всегда выстраиваются в фиксированном порядке $a > b$ [Зализняк 1993: 282; Циммерлинг 2013: 94]. В примерах (14) и (15) цепочка клитик обозначается нотацией CIP. Базисом эндоклизы в осетинском примере (14) является глагол с превербом *арба-цæй*, а в древнечешском примере (15) — неопределенное местоимение *jakž-koli*.

¹⁷ Для европейского португальского — также цепочек проклитик.

- (14) осет. [**Æрба-цæй**]_{PV} = ↓↓ = [_{CIP} *ma=naem=ÿy*] = **цыд-ис**_V.
 PV-PV =PTCL=1PL.ALL=ITER =идти-PST.SG
 ‘Он, как бывало, вновь направился к нам.’

- (15) др.чеш. [**Jakž**]_{X1} = ↓↓ = [_{CIP} *sem=sě*] = **[koli]**_{X2} narodil (Hrad.)¹⁸
 как =AUX.1SG.PRES=REFL=INDEF родить-PST.1SG.
 ‘с тех пор как я родился’.

Сложнее оценить ситуацию в готском и удинском языках, где цепочки клитик возникают именно в эндоклизе, а не в энклизе.

От современных русских примеров типа (3д) с разрывным неопределенного местоимения [**кое**]_{X1} ↓ *в* = [**каких**]_{X2} делах древнечешские примеры типа (15) отличаются в трех отношениях: 1) русский язык разрешает вставку одиночных эндоклитик, древнечешский — вставку цепочек; 2) русские местоимения могут разрываться только предлогами и частицей *же*, древнечешские — всеми кластеризуемыми клитиками, включая формы связок и местоимений; 3) внешняя позиция эндоклизы в русском языке не фиксирована, в древнечешском эндоклиза реализуется, если разрывное местоимение стоит в левой периферии клаузы, т. е. в начале предложения.

4.2. Место русского языка в типологии эндоклитик

В целом, материал русского языка хорошо соответствует предсказаниям типологии эндоклитик. Ключевыми являются характеристики (ii) и (iii).

- (ii) Имеются базисы клитик, совмещающие черты морфологических и синтаксических структур.
- (iii) Имеются генерализованные правила, регулирующие вставку не (вполне) однородных в просодическом отношении элементов.

Условие (ii), видимо, является дефиниционным для всех ранее описанных языков с эндоклитиками, поэтому порой выдвигаемые возражения типа «В языке L нет эндоклитик, так как в нем реализуется (ii)» нерелевантны и свидетельствуют против заявленной посылки.

Условие (iii), приравнивающее случаи *ни=↓=к кому* и *ни=↓=благодаря кому* друг к другу, более специфично, но и оно имеет внешние параллели. Так, в готском языке межморфемной эндоклизе подвергаются как наречные энклитики (=h, =u, =þan, =nu, =ba), так и превербы, являющиеся проклитиками, ср. *miþ=* ‘с’ в [*ga*]_{AFF} = ↓↓ = *þ=þan=miþ* = [sandided]_R-un (k 8, 18 B) ‘они же послали их вместе с ними’. То же самое отмечается для варташенского диалекта удинского языка, где внутри корневой морфемы вставляются лично-числовые показатели, аддитивная частица =aI, юссивный показатель =q:a, вне базисов эндоклизы ведущие себя как энклитики, и показатели отрицания *te=* и *ma=*, вне базисов эндоклизы ведущие себя как проклитики [Ганенков и др. 2012: 12]. Различие между готским, варташенским удин-

¹⁸ Цит. по [Trávníček 1956: 148].

ским и русским языками, возможно, меньше, чем кажется на первый взгляд. При альтернативном описании спорадически возникающие в русском языке контактные последовательности частицы *же* и эндоклитического предлога, ср. выше пример (7), можно трактовать как цепочки, а само контрастивное *же* оказывается частичным аналогом удинского =al и готского =h.

4.3. Клитики и описательные грамматики

Термин «клитика» окончательно утвердился в описаниях современных языков лишь в последние десятилетия, когда гипотеза А. Звики о том, что проклитики и энклитики вместе образуют класс элементов, определимых на уровне универсальной грамматики [Zwicky 1977], получила широкое признание. Я. Вакернагель в 1892 г. на материале древних индоевропейских языков вывел закон, в соответствии с которым кластеризуемые клитики занимают место в левой периферии клаузы, в нормальном случае — после первого фонетического слова. Прошло более 40 лет, прежде чем Р. О. Якобсон в работе 1935 г. на материале балканских славянских языков показал, что этот закон может действовать в современном языке. Само появление работы А. Звики частично мотивировано наблюдениями над генетически неродственными языками мира, где подкласс клитик подчиняется закону Вакернагеля. Доказательство, что закон Вакернагеля действовал в истории русского языка, было представлено А. А. Зализняком [1993: 280–308] лишь 100 лет спустя открытия данного закона, хотя часть древнерусских текстов, на основе которых сделан этот вывод — прямая речь персонажей древнерусских летописей, «Вопрошание Кириково», — постоянно была перед глазами славистов. Значимость открытия А. А. Зализняка, в свою очередь, повлияла на признание класса клитик в современном русском языке, хотя закон Вакернагеля в нем уже не действует, а кластеризуемые местоименные и связочные клитики утрачены. Адаптация закона Вакернагеля к типологическим исследованиям потребовала уточнения ряда первоначальных формулировок, в частности — учета материала языков, где кластеризуемые клитики стоят не после первого фонетического слова, а после первой полной составляющей клаузы, а также учета действующих в ряде языков мира так называемых правил барьера, меняющих конечную позицию клитик [Зализняк 1993: 286; Rouveret 1999]. Это было сделано лишь в последнее время, ср. [Zimmerling, Kosta 2013; Циммерлинг 2013]. Все эти факты свидетельствуют о значительной инерции в освоении теоретических моделей, связанных с расстановкой клитик.

Класс языков с эндоклизой существенно меньше класса языков с законом Вакернагеля¹⁹. Русские эндоклитики не имеют фиксированного места

¹⁹ Объем класса доказанных языков с законом Вакернагеля, т. е. языков с цепочками клитик уровня предложения в левой периферии клаузы, приближается к 70 [Циммерлинг 2012; 2013: 44–80]. Объем класса языков, по отношению к кото-

в предложении и, согласно предложенному описанию, не кластеризуются. Тем не менее введение эндоклитик в описание русской грамматики — теоретически последовательное решение, особенно если принять гипотезу (i) и признать эндоклизу свойством амбивалентных базисов, совмещающих черты морфологических и синтаксических структур, а не отражением якобы присущих эндоклитикам особых просодических и морфологических свойств. Тот же подход уместно распространить на все ранее открытые языки с эндоклитиками. Вполне вероятно, что при более внимательном изучении обнаружатся новые случаи асимметричных ограничений на вставку слабоударных и ударных элементов предложения. Общая методологическая проблема состоит в том, нужно ли при описании базисов эндоклизы полностью элиминировать фактор диахронии. Для части русских конструкций (мотивированная семантически эндоклиза предлога и частицы *же*) такое описание возможно.

5. Выводы

Вставка предлогов в русские отрицательные, взаимные местоимения и неопределенные местоимения серии *кое-*, а также вставка слабоударных местоимений дат.п. в состав фраземы *так* $\langle X-y \rangle$ и *надо* являются регулярными случаями эндоклизы. При этом в русском языке имеются и другие случаи, где можно предполагать асимметрию слабоударных и ударных элементов при вставке в разрывные словоформы и близкие к ним выражения. Материал русского языка подтверждает предсказания типологии эндоклитик. Русские эндоклитики (как и эндоклитики в принципе) лишены уникальных просодических свойств, эндоклиза возникает из-за наличия в языках с клитиками амбивалентных базисов, совмещающих черты морфологических и синтаксических структур. В русском языке правила эндоклизы обобщают случаи вставки слабоударных выражений, часть которых не обладает свойствами фонетических клитик в полном объеме. Линейный порядок с эндоклизой в русских отрицательных местоимениях на *ни-* и в неопределенных местоимениях на *кое-* мотивирован потребностями реализации логико-семантической иерархии двух операторов в структуре с предложной группой. Вставка эндоклитик во взаимные местоимения и фразему *так* $\langle X-y \rangle$ и *надо* не имеет явной семантической мотивации. Маргинально сохраняющаяся в русском языке возможность эндоклизы частицы *же* отражает возможность модификации разрывных форм взаимных и неопределенных местоимений и наречий на КОЕ- в контексте контраста.

рым выдвигалась гипотеза об эндоклитиках, не превышает полутора десятков. Данные классы частично пересекаются: пашто и осетинский язык могут быть отнесены к обоим классам одновременно.

Список сокращений

ALL — аллатив; AUX — связка; CL — клитика; 'CL=X' — проклитика; 'X=CL' — энклитика; '=↓CL=' — эндоклитика; '=↓↓CL=CL' — цепочка эндоклитик; CNRTF — контрфактив; INDEF — неопределенность; ITER — итератив; PL — множественное число; PV — преверб; PRES — настоящее время; PST — прошедшее время; PTCL — частица; REFL — рефлексив; SG — единственное число; V — глагол;]_{AFF} — аффикс;]_R — основа; X — просодический хозяин клитики; ↓X — вставка эндоклитики; ↓X — вставка цепочки эндоклитик.

AP — группа прилагательного; CIP — группа кластеризуемых клитик; CoP — сочиненная группа; ЭР — группа квантора существования; DP — группа детерминатора; NegP — группа отрицания; NP — именная группа; P — предлог; PP — предложная группа; X° — синтаксическая вершина X; [X_P] — формальная составляющая вида X.

Гот. — готский; др.рус. — древнерусский, др.чеш. — древнечешский; рус. — русский.

ДПС — дативно-предикативная структура.

Литература и источники

Апресян, Иомдин 2010 — Ю. Д. А п р е с я н, Л. Л. И о м д и н. Конструкции малого синтаксиса // Ю. Д. А п р е с я н, И. М. Б о г у с л а в с к и й, Л. Л. И о м д и н, В. З. С а н н и к о в. Теоретические проблемы русского синтаксиса. Взаимодействие словаря и грамматики. М., 2010. С. 59–280.

Аркадьев 2016 — П. М. А р к а д ь е в. К вопросу об эндоклитиках в русском языке // Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / Под ред. А. В. Циммерлинга, Е. А. Лютиковой. М., 2016. С. 325–331.

Ахвледиани 1963 — Г. С. А х в л е д и а н и. Превербный тмезис в осетинском языке // Краткие сообщения института народов Азии. 67. Иранская филология. М., 1963. С. 11–15.

Ганенков и др. 2012 — Д. С. Г а н е н к о в, Ю. А. Л а н д е р, Т. А. М а й с а к. Удинский язык без эндоклитик. Доклад в ИСЛИ МГТУ им. М. А. Шолохова, 16 марта 2012 г. URL: http://udilang.narod.ru/field/Udi_mggg_2012.pdf.

Еськова 2011 — Н. А. Е с ь к о в а. Формальные особенности некоторых предложных сочетаний с местоименными словами // Н. А. Е с ь к о в а. Избранные работы по русистике: Фонология. Морфонология. Морфология. Орфография. Лексикография. М., 2011. С. 210–219.

Зализняк 1993 — А. А. З а л и з н я к. Лингвистические исследования // В. Л. Я н и н, А. А. З а л и з н я к. Новгородские грамоты на бересте. Из раскопок 1984–1989 гг. М., 1993. С. 191–319.

Зализняк 2008 — А. А. З а л и з н я к. Древнерусские энклитики. М., 2008.

Кушнир 2016 — Е. Л. К у ш н и р. Особенности топиализации в языке юрэ // Acta Linguistica Petropolitana. Труды Института лингвистических исследований РАН. Т. XII. Ч. 1. Исследования по типологии и грамматике / Отв. ред. тома Д. В. Герасимов. СПб., 2016. С. 106–113.

Лаптева 1976 — О. А. Лаптева. Русский разговорный синтаксис. М., 1976.

Майсак 2017 — Т. А. Майсак. Эндоклитики внутри глагола: теперь и в английском // Конференция «Типология морфосинтаксических параметров 2017». Москва, 25–27 октября 2017.

НКРЯ — Национальный корпус русского языка.

Пекелис 2017 — О. Пекелис. О кн. А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова (ред.). Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов. М.: Языки славянской культуры, 2016 (Studia Philologica) // Русский язык в научном освещении. 2017. № 1. С. 284–286.

Плунгян 2000 — В. А. Плунгян. Общая морфология. Введение в проблематику. М., 2000.

Сичинава 2009 — Д. В. Сичинава. ‘Стремиться пресекать на корню’: современная русская конструкция с *было* // Корпусные исследования по русской грамматике / К. Л. Киселева и др. (ред.). М., 2009. С. 362–396.

Толстая 2000 — М. Н. Толстая. Форма плюсквамперфекта в украинских закарпатских говорах: место вспомогательного глагола в предложении // Балто-славянские исследования 1998–1999, XIV. М., 2000. С. 134–143.

Федотов 2014 — М. Л. Федотов. Фокус, заглагольные зависимые и эндоклитики в гбан // От Бикина до Бамбалюмы, из варяг в греки. Экспедиционные этюды в честь Елены Всеволодовны Перехвальской / В. Ф. Выдрин, Н. В. Кузнецова (отв. ред.). СПб., 2014. С. 195–214.

Холодилова 2013 — М. А. Холодилова. Позиционные свойства местоимений в русском языке. Выпускная квалификационная работа магистра филологии. СПб., 2013.

Циммерлинг 2012 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов с клитиками в типологическом аспекте // Вопросы языкознания. 2012. № 4. С. 4–38.

Циммерлинг 2013 — А. В. Циммерлинг. Системы порядка слов славянских языков в типологическом аспекте. М., 2013.

Циммерлинг 2017 — А. В. Циммерлинг. Русские предикативы в зеркале эксперимента и корпусной грамматики // Компьютерная лингвистика и интеллектуальные технологии. Вып. 16 (23). Материалы международной конференции «Диалог 2017». М., 2017. Т. 2. С. 466–482.

Циммерлинг 2018 — А. В. Циммерлинг. Предикативы и предикаты состояния в русском языке // Slavistična revija. Ljubljana, 2018. 66. 1. S. 45–64.

Циммерлинг, Лютикова 2016 — Архитектура клаузы в параметрических моделях: синтаксис, информационная структура, порядок слов / А. В. Циммерлинг, Е. А. Лютикова (ред.). М., 2016.

Янко 2008 — Т. Е. Янко. Интонационные стратегии русской речи. М., 2008.

Bresnan, Mchombo 1995 — J. Bresnan, S. A. Mchombo. The lexical integrity principle: Evidence from Bantu // Natural Language and Linguistic Theory 13. 1995. P. 181–254.

Cardinaletti, Starke 1999 — A. Cardinaletti, M. Starke. The Typology of Structural Deficiency // Clitics in the Languages of Europe (Eurotype 20-5) / H. van Riemsdijk (ed.). Berlin; New York, 1999. P. 63–82.

Franks 2017 — S. Franks. Syntax and Spell-Out in Slavic. Bloomington, 2017.

Harris 2002 — A. C. Harris. Endoclititics and the Origins of Udi Morphosyntax. Oxford, 2002.

- Kari 2002 — E. E. Kari. On Endoclititics: Some Facts from Degema // Journal of Asian and African Studies. 2002. № 63. P. 37–53.
- Klavans 1995 — E. L. Klavans. On Clitics and cliticization. The interaction of morphology, phonology and syntax. New York, 1995.
- Kratzer, Shimoyama 2002 — A. Kratzer, J. Shimoyama. Indeterminate Pronouns. The View from Japanese // The Proceedings of the Third Tokyo Conference on Psycholinguistics / Y. Otsu (ed.). Tokyo, 2002.
- Mëniku, Campos 2011 — L. Mëniku, L. Campos. Discovering Albanian, I. Textbook. University of Wisconsin, 2011.
- Nevis 2000 — J. A. Nevis. Clitics // Morphology. Berlin, 2000.
- Plungian 2017 — V. Plungian. Russian en- and endoclititics and other Rabbit's Friends-and-Relations: sorting out the familiar morphological mess. Talk presented at Slavic Cognitive Linguistics Conference 2017. St. Petersburg, October 12–14, 2017.
- Rouveret 1999 — A. Rouveret. Clitics, Subjects and Tense in European Portuguese // Clitics in the Languages of Europe (Eurotype 20-5) / H. van Riemsdijk (ed.). Berlin; New York, 1999. P. 639–678.
- Spencer, Luis 2012 — A. Spencer, A. Luis. Clitics. An introduction. Cambridge, 2012.
- Streitberg 1910 — W. Streitberg. Gotisches Elementarbuch. Heidelberg, 1910.
- Tegey 1977 — H. Tegey. The Grammar of Clitics. Evidence from Pashto and Other Languages. Doctoral Dissertation, University of Illinois at Urbana-Champaign, 1977.
- Testeleets 2003 — Ya. Testeleets. Are there strong and weak pronouns in Russian? // Formal Approaches to Slavic Linguistics 11: The Amherst Meeting 2002 / W. Browne, J.-Y. Kim, B. H. Partee, A. Robert Rothstein (eds.). Michigan Slavic Publications, 2003. P. 515–538.
- Trávníček 1956 — F. Trávníček. Historická mluvnice česká. III. Skladba. Praha, 1956.
- Yanovich 2005 — I. Yanovich. Choice-functional Series of Indefinite Pronouns and Hamblin Semantics // SALT XV / E. Georgala and J. Howell (eds.). Ithaca, NY, 2005. P. 309–326.
- Zimmerling 2014 — A. Zimmerling. Clitic templates and discourse marker *ti* in Old Czech // New Insights into Slavic Linguistics / W. Jacek and S. Jaworski (eds.). Frankfurt, 2014. P. 389–403.
- Zimmerling 2016 — A. Zimmerling. Towards a typology of endoclititics // Typology of morphosyntactic parameters 2016. URL: <https://www.academia.edu/29545987/> (дата обращения: 18.11.2017).
- Zimmerling, Kosta 2013 — A. Zimmerling, P. Kosta. Slavic clitics: a typology // Language universals and linguistic typology (STUF). 2013. Vol. 66. № 62. P. 178–214.
- Zwicky 1977 — A. Zwicky. On clitics. Bloomington, 1977.

Резюме

Вставка предлогов в русские отрицательные, взаимные местоимения и неопределенные местоимения серии *кое-*, а также вставка слабоударных местоимений дат.п. в состав синтаксической идиомы *так <X-y> и надо* являются регулярными случаями эндоклизы. В русском языке имеются и другие случаи, где можно предполагать асимметрию слабоударных и ударных элементов при вставке в разрыв

ные словоформы и близкие к ним выражения. В русском языке правила эндоклизы обобщают случаи вставки слабоударных выражений, часть которых не обладает свойствами фонетических клитик в полном объеме. Линейный порядок с эндоклизой в русских отрицательных местоимениях на *ни-* и в неопределенных местоимениях на *кое-* мотивирован потребностями реализации особой логико-семантической иерархией двух операторов в структуре с предложной группой. Вставка эндоклитик во взаимные местоимения и синтаксическую идиому *так <X-y> и надо* не имеет явной семантической мотивации.

Ключевые слова: клитики, эндоклитики, морфосинтаксис, разрывные словоформы, синтаксические группы, сфера действия, операторные слова, контраст, интерфейсы.

Получено 07.01.2018

ANTON V. ZIMMERLING

**DO THEY DESERVE IT? — ARE ENDOCLITICS NECESSARY
FOR THE DESCRIPTION OF RUSSIAN?**

The insertion of Russian prepositions in negative and reciprocal pronouns as well as in indefinite pronouns with *koye-* and the insertion of weak dative pronouns in the syntactic idiom *tak <X-y> i nado* ‘X deserved it’ are regular instances of endocclisis. Russian also displays the clitic/weak form vs stressed form asymmetry with some other syntactic idioms. Russian endocclitics may lack complete features of phonetic clitics. In Russian negative pronouns and indefinite pronouns with *koye-*, the linear order with endocclitic insertion embodies the logic-semantic hierarchy of two operator elements in the context of embedded PP-arguments. In Russian reciprocals and in the idiom *tak <X-y> i nado* endocclitic insertion lacks a clear semantic motivation.

Keywords: clitics, endocclitics, morphosyntax, split word forms, phrases, scope, operators, contrast, interfaces.

Received on 07.01.2018